

Погибло славное казачество!

И только жид Гершка худой и длинный как оглобля гримасничает и бѣгает заплетываясь ногами в длинном кафтанѣ своем и рассказывает и своим и полякам о гибели казаков

возненавидѣл Гоголь „жидов“ и особенно „Петровскую Россію“ полонивших его Украинну. и отомстил Россіи „страшной местью“ и дьявольским смѣхом и заколдованным смѣхом высмѣял ее и изобразил на лицѣ ея гримасу страшнаго колдуна и сам испугался своего смѣха

„Смотри—указал ему схимник—буквы твоих книг наполнились кровью“

и убѣждал от людей колдун. ни пост ни покаяніе не помогли ему...

Колдун сам превратился в блоху и скрылся от нас в необычайном прыжкѣ

.
Но не все же торжествовать блохѣ не все шумѣть саранчѣ: она все съѣла что было на землѣ и оставив ее голой пустынной и безлюдной должна умереть и сама.

вот когда настанет ея гибель!

„И ничего во всей вселенной
благословить он не хотѣл“

во всей вселенной! в сѣрый пепел пустыни обратилась земля и саранча распустив свои крылья с шумом желѣзной колесницы смерти полетѣла над землей, оплевывая ее въ послѣдній, и пролетая (через годы и годы) над испепеленными угасшими горами Кавказа саранча замѣтила среди развалин какую то зелень и забплось ея сердце насѣкомаго. давно уж не видала она никакой травки никакого листочка и позабыла какъ то о своемъ царственномъ брюхѣ, а оно какъ истомившійся навуходоносор жаждало салата. и воспѣла саранча хвалу создателю позаботившемуся о ея брюхѣ какъ у большой жабы проглотившей лошадь,

и сказала саранча травкѣ:
 клянусь я первымъ днемъ творенья
 клянусь его послѣднимъ днемъ

.
 тебя я вольный сынъ эфира
 возьму въ надзвѣздные края
 и будешь ты царицей міра
 подруга первая моя...

скромная травка слушала
 она была такъ прекрасна среди дикихъ скал и пепла.
 Когда то вся земля была покрыта безвкусной травой—
 тогда дикая красавица затерялась среди возовъ подруг
 но теперь

нѣтъ, ни единый царь земли
не цѣловал такого ока...

и саранча съѣла травку, послѣднюю единственную в
сем мірѣ и потом сдохла и сама
Такъ всеобщую гибелью закончилась борьба земли и
блохи-саранчи.

и еще какой молодой земли—

Я начал рано кончу рано...

какъ не оплакивать такую судьбу?!

она же была прообразом (хотя по странности случив-
шимся позже) гибели другого такого юнаго и прекрас-
наго агнца (Пушкина).

и появился на землѣ пес

вѣрный страж человѣка и его жилища и вступил в
борьбу со скорпіоном—хвостом саранчи.

земля имѣла в это время вид фантастическій.

был напимѣръ Петербург (про другіе города не было
слышно) но был он призрачный: проснешься и Петер-
бург провалится в болото.

Это былъ не город а только болотное испареніе и
имѣл он вкус хинина...

и все время лихорадило в нем.

но пес не испугался. больной в лихорадкѣ и блѣдный
вступилъ онъ в послѣднюю борьбу со скорпіоном

„Оно было в родѣ скорпіона но не скорпіон, а гаже и
гораздо ужаснѣе и кажется именно тѣм что такихъ
животных в природѣ нѣтъ и что оно нарочно у

меня явилось и что в этом самом заключается будто бы какая-то тайна. Я его очень хорошо разглядѣл: оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающійся гад длинной вершка в четыре у головы толщиной в два пальца, к хвосту постепенно тоньше, так что самый кончик хвоста не больше десятой доли вершка.

мать кликнула норму, нашу собаку—огромный тернеф-черный и лохматый умерла пять лѣтъ тому назад, она бросилась въ комнату и стала над гадиной какъ вкопанная. остановился и гад но все еще извиваясь и пощелкивая по полу концами лап и хвоста. Животныя не могутъ чувствовать мистическаго испуга если не ошибаюсь но в эту минуту мнѣ показалось что в испугѣ Нормы было что-то как будто очень необыкновенное, какъ будто тоже почти мистическое и что она стало быть тоже предчувствует как и я что в звѣрѣ заключается что-то роковое и какая то тайна... вдругъ она медленно оскалила свои страшные зубы открыла всю свою огромную красную пасть и припоровилась изловчилась рѣшилась и вдруг схватила гада зубами.

скорлупа затрещала на ея зубах...

вдругъ Норма жалобно взвизгнула; гадина таки успѣла ужалить ей язык. с визгом и воем она раскрыла от боли рот..."

мерзкое насѣкомое больно ужалило пса въ язык.

как с больным языком бороться с проклятым скорпионом

„у ней (саранчи) были хвосты как у скорпионов и в хвостах ея были жала

и дано ей не убивать людей а только мучить...

и мученіе от нея подобно мученію от скорпіона когда ужалит человѣка“

Припадочные, больные ужаленные проходят люди у Достоевскаго и ближніе со смущеніем проходят мимо—ужаленные обречены, они уж не от міра сего.

и горе ужаленному—на землѣ ему нѣтъ мѣста: днем и ночью воет пес мучая себя и других...

о еслибы снова найти живую плоть и воплотиться! хоть в купчиху семипудовую!

да в семипудовую и лучше всего—сколько в ней плоти! в банѣ бы попариться

„баня все поправит“—недаром говорит народ.

Смотрите как славно парится Исайка—этот представитель вѣчно живучаго племени! каторжане и тѣ парятся. не жизнь им—а баня!

и когда они парятся то забывают, что на них клеймо, они тоже люди, купчихи семипудовыя!

а ужаленный бѣжит прочь неистово крича, издавая нечеловѣческіе звуки... и бѣжит в нетопленную сырую баню съ плесенью и пауками по углам—вот она вѣчность—его вѣчность его смерть! Ужасная вѣчность...

съ радостью пробѣжал бы онъ еще квадриллион квадриллионов лишь найти покой—но напрасно этому не бывать и „осанна“ крикнуть не придется несмотря на все желаніе. Может и желаніе смѣшное и глупое—но кто же осудит ужаленнаго! не ближніе же!

тѣ бѣгут от ужаленнаго дабы не чувствовать своего безсилія. Можно любить человѣчество и и человѣка, отвлеченнаго издали, человѣка мертваго, но когда пред тобою бѣснующійся, умирающій—что сдѣлаешь? Разстрѣлять как Пушкина и Лермонтова, какъ взбѣсившуюся собаку! Здѣсь можетъ помочь только чудо, только Одинъ которому все повинуется и перед кротостью Котораго смиряются бѣсноватые, но люди тут безсильны и проклиная всѣх убѣгает ужаленный. О, еслибы ему встрѣтился хрустальный дворец гдѣ пирует самодовольное благополучное человѣчество (в нѣкоторых сказках об этом разсказывается) с каким наслажденіем он пихнул бы его, опрокинул, растоптал. Так сладко помучить, тогда и свои муки были бы в радость все тогда было бы иначе...

и бѣжит ужаленный ехидною и видит уже „стеклянное море смѣшанное с огнем и побѣдившіе звѣря и образ его... стоят на этом стеклянном морѣ держа гусли...“ предсмертная усталость и сладость одолѣваютъ измученнаго и грезятся райскіе сады и слышны гусли и всепрощающій готовится онъ умереть...

но ближніе не знают не вѣрят и боятся подойти к нему...

ибо не было мѣры и числа в движеніях его и словах, и в его чрезмѣрном умиленіи люди чуяли неладное.

это был выходец из иного міра, гдѣ человѣку трудно дышать—не хватает воздуха.

в такой утонченный болѣзненно сонный мір звал пред смертью и Тургенев: сны видѣнья сладость инфернальнаго существованія, безплотнаго и неземнаго наполняет его мало понятные современникам повѣсти послѣдних лѣтъ.

Но появились Успенскій Рѣшетниковъ Короленко и Горькій.

и пришли люди отъ земли пришли мужички в русскую пустыню и посмотрѣли: сколько нечисти развелось там. это надо вывести а то „ен закусает“—рѣшили мужички міром и скопом принялись ловить блохъ собирать саранчу.

неуклюже допотопными способами рѣшили исправить мір. Но удивлялись: ен прыткій никак в руку не дается. пробовали к старухѣ колдунѣ обратиться тоже дѣло не ладилось

Плюнули мужички и рѣшили так жить небось всѣх не съѣст—объѣстся! свернулись мужички калачиком да так на голой землѣ и улеглись и храп пошел такой что по всей планидѣ загудѣло.

.
жил неподалеку один чувствительный барин и такой был аккуратный—чуть гдѣ увидит пылинку или блошку крик на весь мір подымет:

Как можно чтоб я спокойно сидѣл и кушал когда такая нечистота!

скорѣй созвать собраніе! всѣх артистов инженеров адвокатовъ пусть ловят блоху,

пусть вычистятъ все до послѣдней пылинки ибо так жить нельзя!

Смѣялись мужички: барское дѣло!

Не понимали спокойные люди о чем кричит его сіятельство

грязь, вездѣ грязь вездѣ блохи!—вопил между тѣм
нѣженка—ваша культура и ваши науки это грязь! и
ваша любовь и ваша жизнь и все! как вы можете жить,
если все это замѣчаете?.. почему вы не мучаетесь?..
и стал нѣженка искать себѣ на землѣ мѣста.
куда не заглянет—вездѣ плохо.

Вы что тут дѣлаете?—спросит у солидных господ

— Развратничаем!

— а эти что дѣлают?

— Комедию ломают дурака представляют ваше сіяство!

— а эти что дѣлают?

— микробу этакую в мелкоскоп от вши взяли...

Так жить нельзя вскричал длинобородый граф сколько
еще на свѣтѣ живых блох и вредной саранчи а эти
чѣм занимаются!

а? грозно переспросил граф. И взяв посох и гнѣвно
оглядываясь ушел к мужичкам

— что вы милые дѣлаете

— так что очень трудимся

— а что блошка какая нибудь там не мѣшает вам?

— Какая там блошка тут шилом не продерешь кожи!

— вот это люди! подумал граф—вот гдѣ жить можно!
все у них чисто, свѣтло

Примите и меня в артель хочу тоже потрудиться

— что же становись каши небось ваше благородіе
много не съѣст? она у нас без масла!..

Так боровшійся всю жизнь с блохою кончил непротив-
леніем ей!..

а у мужичков так и застряло на ртах:
на чаек бы с ихней милости!

.
но тут вынырнул звѣрь из морской бездны с лицом
моржа и черным голосом вскричал:
отнынѣ царство блох наступило...
она сидит на тронѣ...

а блоха положив руки на ручки кресел говорила:

я вам внимаю мои дѣти
возсѣв на отческій престол
душ скольких мяѣ услышать Нѣти
Позволит подданных глагол

„чур чур чурашки буки букашки вѣди таракашки“
шептал Салогуб и потом гнусаво запѣл о смерти
золотой дракон развернулся и спустился с неба чтобы
одѣть ему на голову горшок бывшій в употребленіи.
„Торжественность момента“ нарушил пискливый го-
лос Мережковского увѣщаннаго куклами старинными
гравюрами и картинами:

„дьявола продаю! за копейку чертик Гоголя, за $\frac{1}{2}$ ко-
пейки сверхчеловѣк Лермонтова! Мистическій сфери-
ческій...“

Кузьмин Бальмонт и Брюсов слѣдуя обычаю мух дѣ-
ловито оставляли жирные слѣды на всѣх старинных
изображеніях героев древности...

разбуженная саранча сонно схватила Салогуба и поже-
вав губами изблевала его и вышел он из ея рта смор-
щенным рыхлым и бритым.

и стал он отфыркиваться:

„мечты—обман и сон!“